

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 192–202.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 192–202.

Научная статья
УДК 101
doi: 10.54398/1818-510X.2026.88.3.021

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна

Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань, Россия
gainutdinova.ekaterina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9893-9176>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремительным проникновением технологий искусственного интеллекта во все сферы человеческой жизнедеятельности, что ставит под вопрос сохранение субъектных качеств человека. Усиление зависимости от интеллектуальных систем сопровождается трансформацией моделей мышления и поведения, влияя на процессы самоидентификации и самоактуализации личности. Целью исследования стало выявление рисков трансформации субъектных качеств человека в условиях развития искусственного интеллекта и разработка концептуальных оснований сохранения его субъектности. Теоретико-методологическую основу исследования составили работы в области философии, психологии и социальной теории, посвященные проблеме интеллекта и субъектности (Г. Ю. Айзенк, Ж. Пиаже, Д. Векслер, К. Х. Момджян, М. Хайдеггер, В. Франкл и др.). В работе применены методы концептуального анализа, дискурс-анализа, а также элементы историко-философской реконструкции. Использован субстанционально-деятельностный подход как методологическая основа интерпретации субъектности. В результате исследования установлено, что распространение искусственного интеллекта сопровождается тенденцией делегирования мыслительных функций, что ведет к снижению уровня рефлексии и ослаблению целеполагающей активности субъекта. Обосновано, что отождествление искусственного и человеческого интеллекта носит ограниченный характер и требует уточнения на понятийном уровне. Показано, что ключевым условием сохранения субъектности выступает способность к осмысленному целеполаганию и ценностному выбору. Разработана субстанционально-деятельностная концепция самоидентификации и самоактуализации, в рамках которой субъект рассматривается как активный носитель рефлексивной и ценностно-ориентированной деятельности.

Ключевые слова: социальная трансформация, искусственный интеллект, самоидентификация, самоактуализация, социальная философия, субстанционально-деятельностная парадигма, современное общество, субъект, личность, смысл жизни

Для цитирования: Гайнутдинова Е. В. Самоидентификация и самоактуализация субъекта в условиях развития искусственного интеллекта // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 3 (88). С. 192–202. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.021>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

MODERN HUMAN: HIS SELF-IDENTIFICATION AND SELF-ACTUALIZATION AS A SUBJECT
IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Ekaterina V. Gainutdinova

Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia
gainutdinova.ekaterina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9893-9176>

Abstract. The relevance of the research is due to the rapid penetration of artificial intelligence technologies into all spheres of human life, which calls into question the preservation of human subjective qualities. Increased dependence on intellectual systems is accompanied by a transformation

of patterns of thinking and behavior, affecting the processes of self-identification and self-actualization of the individual. The purpose of the study is to identify the risks of transformation of human subjective qualities in the context of the development of artificial intelligence and to develop conceptual foundations for the preservation of its subjectivity. The theoretical and methodological basis of the research was made up of works in the field of philosophy, psychology and social theory devoted to the problem of intelligence and subjectivity (G. Y. Eysenck, J. Piaget, D. Wexler, K. H. Momjian, M. Heidegger, V. Frankl, etc.). The methods of conceptual analysis, discourse analysis, as well as elements of historical and philosophical reconstruction. The substantial-activity approach is used as a methodological basis for the interpretation of subjectivity. As a result of the study, it was found that the spread of artificial intelligence is accompanied by a tendency to delegate mental functions, which leads to a decrease in the level of reflection and a weakening of the goal-setting activity of the subject. It is justified that the identification of artificial and human intelligence is limited and requires clarification at the conceptual level. It is shown that the key condition for preserving subjectivity is the ability to make meaningful goal-setting and value choice. The substantial-activity concept of self-identification and self-actualization has been developed, in which the subject is considered as an active carrier of reflexive and value-oriented activity.

Keywords: social transformation, artificial intelligence, self-identification, self-actualization, social philosophy, substantial-active paradigm, modern society, subject, personality, meaning of life

For citation: Gainutdinova E. V. Modern Human: His Self-Identification and Self-Actualization as a Subject in the Conditions of Development of Artificial Intelligence. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 3 (88), pp. 192–202. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.021> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Становится ли человек в условиях технического прогресса более счастливым, чем раньше, или продолжает пребывать в иллюзиях того, что зона комфорта делает его гармоничной личностью, довольной качеством своей жизни? Данный вопрос все чаще становится предметом философского осмысления и научной рефлексии. Современный этап развития общества характеризуется качественным изменением роли интеллектуальных технологий в структуре человеческой деятельности, что определяет актуальность обращения к проблеме трансформации субъектности. Все чаще человек делегирует искусственному интеллекту (ИИ) не только рутинные операции, но и мыслительные задачи, что порождает фундаментальную проблему: сохраняется ли способность человека к самоидентификации и самоактуализации в качестве субъекта – ответственного, целеполагающего, рефлексизирующего деятеля или же под влиянием «умных» алгоритмов происходит редукция субъектных качеств, ведущая к когнитивной пассивности и утрате смысловых ориентиров? Ответ на этот вопрос требует не только эмпирической фиксации изменений, но и глубокого философского анализа понятий «интеллект», «субъект», «самоидентификация» в контексте современных технологических реалий в современном мире.

Феномен ИИ активно исследуется в рамках компьютерных наук, нейробиологии и психологии (работы Г. Ю. Айзенка, Ж. Пиаже, Д. Векслера), однако социально-философский аспект влияния ИИ на самоидентификацию и самоактуализацию человека остаётся недостаточно проработанным. Классический субстанционально-деятельностный подход (К. Х. Момдзян) даёт инструментарий для анализа субъектности, но не учитывают специфику цифровой среды. Историко-философская традиция (Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, И. Кант, Г. В. Лейбниц, М. Хайдеггер, В. Франкл) предлагает богатый категориальный аппарат для различения подлинного интеллекта и его имитации, однако требует адаптации к вызовам ИИ, что находит отражение в настоящем исследовании.

Цель данного исследования – выявление рисков трансформации субъектных качеств человека в условиях экспансии ИИ и разработка субстанционально-деятельностную концепции самоидентификации и самоактуализации современного человека как субъекта.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: анализ проблемы социальной трансформации в условиях развития ИИ; уточнение содержательных и терминологических аспектов категории «искусственный интеллект»; исследование основных дискурсов об ИИ в современном обществе; определение особенности самоидентификации и самоактуализации человека в условиях цифровой среды; обоснование концептуальных оснований сохранения субъектности в рамках субстанционально-деятельностного подхода.

Методы исследования: концептуальный анализ (для уточнения содержания термина «искусственный интеллект»), дискурс-анализ (для изучения современных нарративов об ИИ), субстанционально-деятельностный подход в интерпретации К. Х. Момджяна, а также элементы историко-философской реконструкции (обращение к классической философской традиции).

Основная часть

Проблемы социальной трансформации в условиях развития искусственного интеллекта

Динамика современного мира четко задает необходимость проявлять активность в собственном развитии и стремиться опережать те постоянные изменения, которые приносит каждый новый день. Сегодня недостаточно оставаться лишь наблюдателем или даже просто активным деятелем. Наступает время, когда личность должна осознать себя именно субъектом, в чьи обязанности входит прежде всего ответственность за свои действия, способность критически оценивать мысли, осознавать собственные желания и стремиться быть творцом своей жизни. Почему именно в настоящее время это стало так важно? Потому что меняется модель восприятия окружающей действительности: особое значение приобретает активная позиция субъекта как того, кто стремится трансформировать обстоятельства под свои цели и задачи, а не быть пассивным наблюдателем, пытающимся переложить ответственность на другого.

Мы видим и четко понимаем, что становимся зависимыми от необратимых процессов, которые оказывают существенное влияние на суть развития нашего общества и нас самих. Изменяющаяся модель восприятия окружающей действительности заставляет все больше задумываться о том, что происходит функциональное ограничение сознания. Вернее, мы не утрачиваем само сознание как то, чем человек наделен по факту своего рождения и что выделяет его из других живых систем. Происходит утрата способности поддерживать сознание в активном режиме, мы ожидаем готовых алгоритмов действия, которое предложит (а лучше сделает) кто-то другой. Современное поколение молодых людей становится все более зависимым от электронных вычислительных систем, информационных технологий и ставшего популярным искусственного интеллекта. Приходится констатировать стагнацию субъектных свойств человека, ориентированных на мышление и активное действие. Что это значит? Это значит, что по мере того, как ИИ активно проникает в суть его жизни, сам он начинает превращаться в подобие биоробота, которому зачастую нет необходимости проводить мыслительные операции, реализовывать структуру деятельностного процесса, включать свое сознание и понимание происходящего с ним, всецело и полностью полагаясь на то, что ИИ решит все проблемы за него. В итоге «под аплодисменты восторженных пользователей искусственного интеллекта» нивелируется суть самого человека, суть его социальной и духовной составляющих, а вектор внимания смещается с определения точек личностного роста к точкам опоры физиологического существования как единственному смыслу. В этой связи возникает риторический вопрос о том, становится ли человек в условиях технического прогресса более счастливым, чем раньше, или продолжает пребывать в иллюзиях того, что зона комфорта сделает его гармоничной личностью, довольной качеством своей жизни. Почему речь заходит о деградации и вероятности деградации? Потому что каждому человеку очень удобно находиться в определенной зоне комфорта (или, если быть точнее, «болоте комфорта»), облегчать условия своей жизни, исключать из нее необходимость выполнения тех задач, которые может сделать кто-то другой, тем более если речь идет о мыслительных задачах. В итоге мы можем прийти к тому, что последующие поколения в принципе утратят когнитивно-поведенческие паттерны развития личности. Даже сейчас можно говорить о тех специалистах, которые используют в своей работе ИИ: они готовы впасть в панику, если цифровая система дает сбой, и решение профессиональных задач полностью перекладывается на самих специалистов. Таким образом может быть утрачена способность самостоятельно анализировать, позволяя ИИ думать за нас. Возьмем простой пример – счет в уме: при постоянном использовании калькулятора данный навык утрачивается. Это не окажет существенного влияния на повседневное качество жизни, однако приведет к более значимым последствиям – снижению стремления к развитию мышления как основы выхода за пределы биологической заданности и реализации свободы сознания, проявляющейся в способности выбирать, оценивать, интересоваться, мечтать и ставить цели.

В данных трансформациях человека обнаруживается его стремление быть лучше себя настоящего, следуя основе своего развития – закону возрастания потребностей. Многие привыкли воспринимать этот закон в отрицательном ключе, полагая, что его смысл определяется потребительской натурой человека, выраженной в принципе «чем больше имеешь, тем больше хочешь». Однако мало кто задумывается о том, что указанный закон отражает необходимость человека стремиться к чему-то большему не только применительно к каким-либо материальным благам, но и к тому, чтобы подняться выше в своих желаниях относительно уровня базовых, жизненно необходимых потребностей. Ключевой основой в этом процессе является качество

желаний и соответствующих мыслей, обуславливающих рост человека как личности, ориентированной на социальный контекст своей сути. Рассуждая подобным образом, следует подчеркнуть необходимость философского мышления и его развития, поскольку именно благодаря ему субъект способен расширять границы восприятия мира, формировать мировоззренческую позицию в отношении как происходящего вовне, так и внутренних процессов. Именно философия как таковая, а социальная философия в особенности, позволяет человеку быть экспертом, способным оценивать, постигать и вникать в суть происходящего, в смысл поступающей информации, быть тем, кто способен контролировать поток желаний, варьируя их удовлетворение в соответствии с правом делать выбор, исходя из осознания и понимания того, что не просто необходимо, а что способно обогатить человека как личность. Иначе говоря, целесообразно подчеркнуть, что через философский взгляд на жизнь человек постигает глубину смыслов, чего зачастую сейчас катастрофически не хватает. «Постигнуть глубину» – значит, не искать готовых решений, воспринимая их как конечный продукт оперативной обработки информации нейронными сетями или нечто подобное, а уметь понимать смысл того или иного явления через интеллектуальную эрудицию, эмоциональный интеллект, исключив привычные шаблоны и ограничения логики, сконцентрировав свое внимание на «априорном знании», формирующем форму восприятия реальности, говоря словами И. Канта [7, с. 105–106].

Содержательные и терминологические аспекты категории «искусственный интеллект»

Современное поколение нередко воспринимает рождение мысли как что-то естественное, легкое, непосредственное и само собой разумеющееся, порой передавая право рождения мысли информационно-интеллектуальным системам, которые реконструируют этот процесс посредством компиляции и синтеза загрузки загруженных в них данных. В этой связи становится спорным вопрос относительно названия «искусственный интеллект», если сравнивать с интеллектом и его пониманием как таковым. Совершенствование программ ИИ разработчиками создает имитацию мыслительного процесса, когда генерирование мыслей выступает как логическое результативное умозаключение алгоритмов возможных следствий по обработке имеющихся данных. Как отмечают исследователи, современные большие языковые модели способны демонстрировать поведение, которое их создатели не всегда могут предсказать или объяснить, однако это не свидетельствует о наличии у них подлинной рефлексии или интенциональности [6, с. 77]. При этом ИИ не способен оценивать выдаваемую информацию на предмет истинности в ценностно-смысловом значении.

Каким бы ни был совершенным искусственный интеллект, он остается имитацией тех возможностей, которыми обладает интеллект человеческий, даже в случае количественного превосходства. Необходимо учитывать тот факт, что уникальность и неповторимость каждого человека зависит и от других факторов, где самым важным является оценочная экспертиза и эмоциональная окраска мыслительной деятельности. В силу специфики понимания сущности понятия «интеллект», обусловленной множественностью интерпретаций его содержания, данная категория до сих пор остается предметом полемики среди исследователей. Это обусловлено глубиной самого понятия, которое отражает адаптационный характер мыслительной деятельности. Именно поэтому только в русле психологического знания интеллект выделяется, если следовать позиции Г. Ю. Айзенка, как биологический, социокультурный и психометрический феномен [16, с. 1]. Как подчеркивал автор, любая адекватная теория интеллекта должна учитывать его трехаспектную природу, что нашло отражение в его многочисленных работах, включая фундаментальную монографию «Структура и измерение интеллекта» [17]. Вместе с тем глубина познания, доступная только человеку, обусловлена уровнем развития интеллектуальных способностей. Неслучайно в этой связи Ж. Пиаже рассматривал интеллект как самую совершенную из психических адаптаций, являющуюся «наиболее необходимым и эффективным орудием во взаимодействиях субъекта с окружающим миром» [12, с. 11]. Однако данное определение было бы неполным, если бы свою философскую формулировку интеллекта не предложил Д. Векслер, который сделал акцент еще на одной важной составляющей интеллекта – саморегуляции. Так, Д. Векслер указывал на тот факт, что интеллект – это «глобальная способность человека разумно действовать, рационально мыслить и эффективно справляться со своим окружением» [19, с. 3]. Как бы ни подвергалась критике ряда исследователей предложенная им интерпретация понятия «интеллект» как слишком абстрактная и непоследовательная, данное определение коррелирует с философским пониманием деятельности как адаптивно-адаптирующего процесса.

Начало истории развития представлений об интеллекте связывают с именем Цицерона, который обозначил его как «*intelligentia*», что в переводе означает «способность понимать» [5]. В дальнейшем данное понятие было связано с категориями «ум» и «разум». Как в античной традиции, так и в последующие исторические периоды проблема разумности и осмысления границ

данного феномена находилась в центре внимания философской мысли. Например, об интеллекте как таковом рассуждали Аристотель, Платон, Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, В. Оккам, Н. Кузанский, Р. Декарт, Дж. Локк, Г. В. Лейбниц, И. Кант, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель, Г. Спенсер, А. Шопенгауэр, Э. Гартман, А. Бергсон, У. Джеймс, А. Бине, Т. Симон, Ж. Пиаже, А. Ф. Лосев и др. В частности, Аристотель отмечал: «У нас нет воспоминаний, так как этот ум ничему не подвержен; ум же, подверженный воздействию, преходящ и без деятельного ума ничего не может мыслить» [1, с. 439]. Не вызывает сомнения тот факт, что интеллект – это свойство, присущее человеку разумному. Например, о связи между разумом и интеллектом говорил Ф. Аквинский в своем трактате «Сумма теологии», где обращал внимание на то, что интеллект относится к созерцанию теоретических (умопостигаемых) вещей, тогда как разум направлен на постижение конкретных чувственно воспринимаемых явлений [2, с. 189–190]. Мыслитель подчеркивал, что «познание самого субстанциального бытия свойственно лишь интеллекту Бога и превышает возможности какого бы то ни было сотворенного интеллекта» [2, с. 98].

С момента становления психологии как самостоятельной научной дисциплины в конце XIX в. понятие «интеллект» стало преимущественно связываться с познавательными функциями и способами их оценки. Указанная тенденция обусловила формирование более узкой интерпретации понятия «интеллект», сведенной преимущественно к познавательной деятельности и обработке информации. Соответственно, искусственный интеллект в настоящее время называют таковым по аналогии с психологической интерпретацией самого интеллекта как того, благодаря чему осуществляется познавательная деятельность, обрабатывается информация и принимаются решения. Вместе с тем, когда уже для многих пришло понимание того, что ставить знак равенства между интеллектом человека и искусственным интеллектом нецелесообразно, а гораздо важнее сохранить самоценность и уникальность человека, снова обнаружилась тенденция расширить спектр возможностей интеллекта в научной литературе. Однако в обывательском языке искусственный интеллект потому воспринимается как система, не уступающая, а в ряде случаев и превосходящая человеческие возможности. Именно поэтому особенно важно обращаться к характеристикам интеллекта, разработанным в философской традиции. Несмотря на отсутствие четких разграничений между умом, разумом и интеллектом, а также определенную абстрактность соответствующих трактовок, в них последовательно подчеркивается уникальность интеллектуальной деятельности как свойства, присущего исключительно человеку.

Дискурсы об искусственном интеллекте в современном мире

Безусловно, когда мы упоминаем искусственный интеллект, мы подразумеваем модель мышления, подобную человеческой. В этом и заключалась изначальная цель его разработки – создать искусственную интеллектуальную модель, способную превосходить человека по скорости и объему обработки информации, точности вычислений и другим параметрам. Развитие ИИ сопровождалось изменением подходов к его пониманию: взаимодействие специалистов в области информационных технологий, нейрофизиологии и нейробиологии способствовало переходу от восприятия его как вычислительной машины к интерпретации в качестве модели, воспроизводящей принципы функционирования человеческого мозга. В результате началась негласная конкурентная война между самим человеком, его правом таковым быть со всеми плюсами и недостатками и активно совершенствуемым ИИ.

Показательным является исследование системы AMIE (Articulate Medical Intelligence Explorer), языковой модели, оптимизированной для ведения диагностического диалога с пациентом. В рандомизированном двойном слепом исследовании, включавшем 159 клинических сценариев и участие 20 врачей первичного звена, ее эффективность сопоставлялась с работой практикующих специалистов. Оценка проводилась по ключевым параметрам: точность диагностики, сбор анамнеза, выработка рекомендаций, коммуникативные навыки и эмпатия. Результаты показали, что AMIE продемонстрировала более высокую диагностическую точность и превзошла врачей по большинству показателей: по оценкам специалистов – по 30 из 32 параметров, по оценкам пациентов – по 25 из 26. Это свидетельствует о способности интеллектуальных систем эффективно обрабатывать сложную медицинскую информацию и воспроизводить отдельные аспекты профессиональной деятельности, хотя такие результаты требуют осторожной интерпретации и дальнейшей верификации [18, с. 442]. Преимущество искусственного интеллекта заключается в его способности обрабатывать значительные объемы информации и на этой основе генерировать результаты, имитирующие мыслительную деятельность, что в определенной степени отражает герменевтический аспект его функционирования. Однако интеллект не сводится лишь к эффективному использованию знаний и данных. Он предполагает способность к осознанию собственного незнания, включению эмоционального компонента и внутреннюю мотивацию к познанию. Именно в этом проявляется эффект саморегуляции, когда субъект берет на себя ответственность и осмысливает содержание своих действий и высказываний. В отличие

от этого, искусственный интеллект не обладает ни ответственностью, ни эмоциональной вовлеченностью, оставаясь в рамках алгоритмически заданных операций. Именно поэтому в содержании данной статьи подчеркивается суть человека как субъекта, как личности, указывая именно на данные свойства. В этой связи здесь важно обратить внимание также и на то, что тенденция обращения со своими запросами к ИИ и получение ответа на них воспринимается как истина, что подчеркивает у современного поколения пользователей отсутствие критического мышления к полученной и сгенерированной информации даже в случае, если данная информация по своей сути является ошибочной. Соответственно, все чаще в своем обиходе мы сталкиваемся не с понятием «целеполагание», а с такими понятиями, как «запрос», «намерение», упрощая смыслы, сводя многообразие граней существующей проблемы к точечному акценту на быстрый результат.

Самоактуализация современного человека в условиях развития искусственного интеллекта

Однако, исходя из исторической традиции развития философской мысли, отношение к самой мысли было как к чему-то ценному и безусловному, чем человек достоин или недостойн обладать. Неслучайным в этой связи было сравнение рождения мысли с повивальным искусством. Как отмечал Платон в диалоге «Тетет», Сократ сравнивал свой метод с повивальным искусством, помогая душе «родить» истинное знание: «Мое повивальное искусство... помогает рождению, но само не рождает... Оно помогает юношам родить мысль, а затем проверяет, не ложный ли это плод» [13, с. 192–193]. Субстанционально-деятельностная парадигма, представленная К. Х. Момджяном, раскрывает детерминирующую роль потребности как исходного основания деятельности, инициирующего процесс действий, проходящий стадии осознания и актуализации и трансформирующийся в систему желаний, способных сориентировать человека на последующие цели, соотнести их с его интересами и ценностями и привести к определенным результатам. В этой связи К. Х. Момджян, рассматривая взаимопроникновение биологического и социального в структуре потребностей человека, призывает различать «собственно потребности и процедуры их удовлетворения, которые включают в себя актуализацию потребности, ее переход в состояние нужды, возникновение безальтернативных психических влечений, их мотивационную экспертизу, процедуры целепостановки и последующей целереализации, предполагающей манипуляции со средствами удовлетворения потребности» [11, с. 80–81].

Вполне резонно возникает вопрос: зачем осознать, зачем лишний раз думать, достаточно просто задать конкретный вопрос, а ваши потребности актуализирует искусственный интеллект? Самое опасное в этом процессе именно то, что в структуру человеческой деятельности, в ее контекст включаются уже не осознанные потребности, не желание самого человека, а именно механизм готовых ответов искусственного интеллекта, тем самым превращая человека в пустой сосуд, лишенный понимания того, каким он должен быть, что он должен делать и для чего он это должен делать. Человек лишает себя возможности самостоятельно мыслить, переходя из позиции взрослого, готового нести ответственность за свою жизнь, в позицию ребенка, полностью доверяющего ход своих мыслей и действий более «компетентной» интеллектуальной системе или тем, кто ее контролирует. Такого рода процесс напоминает архаичное мышление эпохи Средневековья, когда представленное авторитетным мыслителем мнение воспринималось как более убедительное и правдивое, чем очевидные и видимые факты. Например, показательным является диалог Г. Галилея с представителем перипатетиков, который, отказываясь взглянуть в телескоп на солнечные пятна, заявил, что поскольку Аристотель не писал о пятнах, их просто не существует [4, с. 215–220]. Подобная история вызывает недоумение у студентов, которые даже не замечают того, что они сами нередко становятся подобны такому перипатетику, поскольку доверяют любой увиденной информации по запросу поиска в интернете, даже не задумываясь о том, что в результатах поиска информация может быть далека от достоверной. По сути, искусственный интеллект способствует автоматизации действий человека, упрощая восприятие окружающей действительности без опоры на критическое мышление, что создает риск превращения его в объект манипуляции со стороны тех, кто, искажая ценности, способен формировать ложные убеждения, противоречащие вектору общественного развития. Подобную тенденцию можно было наблюдать тогда, когда ряд наших соотечественников в сложный для нашей страны период выбрал вариант бегства от трудностей в иллюзию своего комфорта, тем самым переложив ответственность на тех, кто остался и был готов смело отстаивать и защищать интересы своей Родины. Можно предположить, что подобное развитие событий обусловлено, во-первых, утратой самоидентификации и самоактуализации человека как субъекта, а во-вторых – ослаблением оснований осознания себя как гражданина страны.

Субстанционально-деятельностная концепция самоидентификации современного человека как субъекта

Продолжая традиции субстанционально-деятельностного подхода в социальной философии, согласно которому субъект – это активная сторона социального действия, которая его иницирует и контролирует его ход [10, с. 28], необходимо обратить внимание на факторы, определяющие статус субъекта. Сущность данной концепции раскрывается в положениях К. Х. Момджяна, который выделяет два ключевых фактора: во-первых, субъект – это тот, кто способен к целеполагающей активности, обусловленной наличием абстрактно-логического, вербально-понятийного мышления и свободной воли; во-вторых, это тот, кто способен направлять целеполагающую активность на удовлетворение собственных, «имманентных субъекту потребностей, интересов и целей» [10, с. 28]. В этой связи важно подчеркнуть аспект целеполагающей активности, направленной на удовлетворение собственных потребностей. Когда мы говорим об искусственном интеллекте, называя его таковым, мы тем самым приписываем ему свойства субъекта как носителю интеллектуальных возможностей, обусловленных факторами, определяющими его статус. В действительности же уникальность человека определяется его субъектными свойствами, которые при упрощении модели инициации социального действия обесцениваются, сводясь к набору шаблонных операций, лишенных качественного и уникального содержания.

Когда мы применяем понятие «искусственный интеллект», мы заведомо персонифицируем данный феномен, приписывая ему субъектные свойства. Интеллект – это не отдельное свойство, существующее само по себе, это то, что является ключевым результатом диалектики абстрактно-логического и вербально-понятийного мышления субъекта. Называя искусственный интеллект таковым, мы, с одной стороны, приписываем ему свойства субъекта, интегрируя в определение интеллекта все, что связано с мыслительной деятельностью и процессом синтеза информации на основе имеющихся данных, а с другой – нивелируем качественное своеобразие человеческого интеллекта, сводя его к алгоритмически воспроизводимым операциям.

Есть основания полагать, исходя из субстанционально-деятельностной парадигмы, что процесс самоидентификации и самоактуализации как субъекта определяется стремлением к целостности и глубине познания смысла самого себя в структуре социальных связей. Ответом на подобное утверждение является понимание самой сути субстанционально-деятельностной парадигмы. Когда мы говорим о ней, то уже априори подразумеваем целостность и глубину деятельностного процесса, где каждый элемент, явный или скрытый, имеет значение в достижении результата. Этим и определяется простота в сложности данного процесса, когда ты постигаешь глубинные причины того, к чему стремишься, становясь экспертом своих же желаний, целей и задач.

Целостность человека определяется, в сущности, двумя вопросами: кто я есть и в чем смысл меня и моей жизни. И сегодня, как и много веков назад, эти вопросы остаются открытыми. Нередко человек начинает искать смыслы в том, что делает для других, забывая о том, что точкой отсчета в своей собственной жизни является он сам и то, кто он для себя есть. Качественная определенность субъекта связана с готовностью обрести смысл для самого себя, находя удовлетворение в процессе достижения результатов. Философия жизни в этом контексте предполагает умение слышать собственные желания, не подменяя их ожиданиями других, тем самым раскрывая свой уникальный потенциал, а структура деятельностного процесса приобретает здесь практическое значение: ее понимание начинается с признания сложности человека как системы, способной осмысленно выстраивать взаимосвязь мышления и действия. Именно подобное осознание становится точкой отсчета в понимании уникальности человека как субъекта, целостность которого определяется не только поиском смысла, но и способностью согласовывать его с системой традиционных ценностей. В этой связи следует упомянуть позицию В. Франкла, который обращал внимание на то, что ценности способствуют упрощению процесса поиска смысла, поскольку в типичных ситуациях человек освобождается от необходимости принятия решений [14, с. 288–289]. В настоящее время подобные рассуждения приобретают особую актуальность, поскольку возникает необходимость не только в сохранении целостности человека как субъекта, но и в ее защите. В этом контексте уместно обратиться к модели научно-исследовательских программ И. Лакатоса, где ее «жесткое ядро» (совокупность утверждений, представляющих данную программу) оберегает «защитный пояс», представленный положительной и отрицательной эвристикой. Следуя утверждениям И. Лакатоса, «даже наука как таковая может рассматриваться как гигантская исследовательская программа, подчиняющаяся основному эвристическому правилу Поппера: «выдвигай гипотезы, имеющие большее эмпирическое содержание, чем у предшествующих» [8, с. 135]. В рамках данной логики, рассматривая научно-исследовательскую программу как модель развития, можно сделать акцент на субъекте как центральном элементе субстанционально-деятельностной парадигмы, где его деятельность

выступает своеобразным «защитным поясом» положительной эвристики. При этом принципиально важно сместить внимание с внешних факторов на внутренние основания развития – точки опоры самого субъекта, связанные с осознанием собственной ценности, силы воли и права выбора. В качестве отрицательной эвристики в данном контексте может рассматриваться представление об искусственном интеллекте как о возможной замене человека. Однако подобное противопоставление, напротив, усиливает интерес к исследованию человеческой природы и стимулирует поиск способов развития тех ее характеристик, которые остаются недоступными для ИИ.

Особое значение в сути самого деятельностного процесса играет ценность, создающая предпосылки личностного роста. Так, В. Франкл рассматривал ценность как трансцендентную по отношению к действию, на которое она направлена, тем самым подчеркивая ее особый статус как основание, выходящее за пределы конкретного акта. В этом смысле ценность, по его мнению, «выходит за его рамки, подобно тому, как предмет познавательного действия находится за пределами данного когнитивного акта (в узком смысле этого слова)» [14, с. 170].

В продолжение своих рассуждений В. Франкл обращает внимание на понятие «смысл жизни», которое нельзя сводить к простому хотению или смиренному пожеланию, называя его «самоосуществляющимся пророчеством», выступающим как причина и одновременно как рабочая гипотеза того, что в нем прогнозируется [14, с. 27]. Смысл жизни как таковой становится определяющей причиной и результатом стремлений человека в процессе своего развития как личности. Да, безусловно, далеко не каждый задумывается о смысле своего существования, предпочитая оставаться на уровне удовлетворения базовых потребностей, что отражает позицию человека как представителя биологического вида. Напротив, желание человека преодолеть ту невидимую грань, разделяющую биологическое и социальное, позволяет расширить не просто границы понимания своего Я как целостности, но и постичь глубину этого Я. Именно в этом процессе формируется ценностная основа личности: обращение к тем или иным ценностям, независимо от их группы, определяется тем смыслом, которым наполняется жизнь. Ценности придают деятельностному процессу качественную определенность, задавая значимые ориентиры, через которые раскрывается человеческая сущность и «человек становится человеком». Благодаря свободной воле, позволяющей осуществлять выбор в соответствии с приоритетными ценностями и целеполаганием, расширяются границы познания и раскрываются лучшие качества личности.

Обращение к проблеме смысла актуализируется в ситуации выбора, когда возникает необходимость соотнесения возможных альтернатив с внутренними ориентирами личности. Как отмечает А. А. Мартюшева, интерпретируя данную проблематику в русле терминологии М. Хайдеггера, подлинное решение формируется в точке пересечения онтологического смысла, задаваемого ситуацией, и экзистенциального смысла, исходящего от действующего и рефлексизирующего субъекта. При этом сам смысл актуализируется как ответ, раскрывающийся в «просвете Бытия» [9, с. 73]. Смысл проявляется в глубине выбора, обусловленного личным опытом, уровнем интеллектуального и культурного развития. При этом одного знания о ценностях недостаточно: решающим становится осознание необходимости действовать в соответствии с тем ценностным вектором, который формирует личность в пространстве социального взаимодействия, которое, в свою очередь, строится на этических и духовных идеалах. Особое значение в понимании смысла приобретает сам процесс оценивания, поскольку именно в нем проявляется отношение субъекта к действительности. Вместе с тем в философских рассуждениях М. Хайдеггера прослеживается критическое отношение к оценке как таковой: он указывает, что любое оценивание, даже позитивное, приводит к субъективации, в результате чего сущее утрачивает свою самостоятельность и начинает рассматриваться лишь как объект, иными словами, «не быть, а всего лишь считаться» [15, с. 212].

Постижение смысла жизни опирается на определенные «точки опоры», формирующие фундамент целостности и самооценки личности. Это понятие носит междисциплинарный характер, однако именно философское осмысление позволяет выйти за рамки частных трактовок и раскрыть его целостное содержание. Точка опоры выступает как основание, помогающее человеку выстраивать устойчивую систему координат, в рамках которой определяются векторы личностного роста. По сути, речь идет об исходных ориентирах, позволяющих осмыслить собственное Я, его цели и значение, формируя целостное представление о себе и своей ценности в текущем жизненном контексте. Именно здесь раскрывается основа философии смысла себя и своего предназначения в исполнении социальной роли, когда человек обретает уверенность в своих возможностях «здесь и сейчас», формируя образ себя как позитивной модели будущего, складывающейся из точек личностного роста. Речь, таким образом, идет о целях, определяющих мотивационный выбор. В данном контексте проявляется закон возрастания потребностей, однако он не сводится к логике потребления или стремлению к избыточному обладанию. Напротив, речь идет о наполненности смыслом и глубине самопознания, основанного на понимании

собственных возможностей. Базовые потребности выступают здесь как точки опоры биосоциальной природы человека, тогда как трансформация предпочтений отражает ценности, задающие направление личностного развития. Для прояснения данного понимания ценностей целесообразно обратиться к их интерпретации в работах К. Х. Момджяна, что обусловлено, по его собственному замечанию, наличием «методологического хаоса» в осмыслении их сущности [10, с. 27]. В этой связи исследователь предлагает рассматривать ценности через их место и роль в структуре субъект-объектного опосредования. Несмотря на сохраняющуюся полемику по данному вопросу, представляется обоснованным согласиться с позицией ученого, согласно которой ценность выступает как результат мотивационного выбора в пользу определенных объектов ценностного предпочтения – благ мира [10, с. 29].

Несмотря на многообразие подходов к пониманию мотивации, в психологических теориях нередко отсутствует системное объяснение осознанного выбора в структуре деятельностного процесса. Между тем именно он определяет предпочтения личности. Многогранность человека проявляется в свободе воли, реализуемой через выбор на основе оценки возможных альтернатив. Как отмечает К. Х. Момджян, «выбор в собственном смысле слова невозможен без осознанной оценки поведенческих альтернатив, свободной от каузальной предопределённости» [10, с. 29]. Рассуждая в данном ключе, следует отметить, что утрата смысла лишает человеческое существование целей и понимания его направленности, а сведение жизни лишь к удовлетворению базовых потребностей упрощает ее содержание. Существенно важнее обращение к осознанию векторов их развития и способов удовлетворения, наполняющих социальное действие мотивационным смыслом. Именно здесь поднимается вопрос об осознанном мотивационном выборе, напрямую связанном с ценностными предпочтениями. Как отмечал М. Вебер, в повседневной жизни человек часто не осознает противоречия между ценностями, поскольку их смешение обусловлено психологическими и прагматическими причинами, а отказ от выбора связан с нежеланием это осознавать [3, с. 565]. Именно процессы, сопряженные с поиском точек опоры в собственной деятельности, обретением смысла жизни и реализацией свободы выбора между ценностными предпочтениями, становятся тем основанием, которое обеспечивает самоидентификацию и самоактуализацию современного человека как субъекта в условиях развития искусственного интеллекта. Через это проявляется способность человека не только осознавать себя, но и выстраивать свою жизненную позицию, не утрачивая внутренней целостности и ответственности за принимаемые решения.

Выводы

Таким образом, развитие искусственного интеллекта оказывает существенное влияние на самоидентификацию и самоактуализацию человека как субъекта, создавая предпосылки проблем социальной трансформации, связанные с риском редукции субъектных качеств человека, атрофии критического мышления и делегирования интеллектуальных функций искусственному интеллекту. В данном процессе именно субстанционально-деятельностный подход к человеку позволяет сохранить свои самоидентификацию и самоактуализацию как субъекта сквозь призму обоснования необходимости «защитного пояса» субъектности (целеполагание, ценностный выбор, рефлексия), а также обретения собственной целостности через смыслообразующие точки опоры для противостояния редукции человеческой деятельности к алгоритмизированным операциям в условиях экспансии ИИ.

Список источников

1. Аристотель. О душе / Аристотель // Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 369–448.
2. Аквинский, Ф. Сумма теологии / Ф. Аквинский. – Киев : Ника-Центр, 2005. – Т. 3, ч. 1. – 432 с.
3. Вебер, М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке / М. Вебер // Избранные произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 547–602.
4. Галилей, Г. Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевой и коперниковой / Г. Галилей. – Москва ; Ленинград : Гостехиздат, 1948. – 648 с.
5. Интеллект // Новая философская энциклопедия. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH523b26975f21f2447bc452> (дата обращения: 15.10.2025).
6. Зайцев, Д. В. Почему большие языковые модели не (всегда) рассуждают как люди? / Д. В. Зайцев // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. – 2024. – № 1. – С. 77–93.
7. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения : в 6 т. – Москва : Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
8. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – Москва : Медиум, 1995. – 236 с.

9. Мартюшева, А. А. Экзистенция – «Точка опоры» в ситуации неопределенности / А. А. Мартюшева // Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт / отв. ред. Т. А. Попова, Г. А. Вайзер. – Москва : Психологический институт РАО, 2022. – С. 71–75.
10. Момджян, К. Х. О проблеме общечеловеческих ценностей / К. Х. Момджян // Философия и общество. – 2020. – № 3. – С. 25–41. – doi: 10.21146/0042–8744–2020–3–25–41.
11. Момджян, К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. – Москва : Московский университет, 2013. – Ч. 1. – 400 с.
12. Пиаже, Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 192 с.
13. Платон. Тэтет / Платон // Собрание сочинений : в 4 т. – Москва : Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 189–258.
14. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл ; пер. с англ. и нем. ; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с.
15. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.
16. Eysenck, H. J. The Concept of «Intelligence»: Useful or Useless? / H. J. Eysenck // Intelligence. – 1988. – Vol. 12, № 1. – P. 1–16.
17. Eysenck, H. J. The Structure and Measurement of Intelligence / H. J. Eysenck. – Berlin ; New York : Springer-Verlag, 1979. – 253 p.
18. Tu, T. Towards conversational diagnostic artificial intelligence / T. Tu, M. Schaekermann, A. Palepu, K. Saab, J. Freyberg, et al. // Nature. – 2025. – № 642. – P. 442–450. – doi: 10.1038/s41586-025-08866-7.
19. Wechsler, D. The Measurement of Adult Intelligence / D. Wechsler. – 3rd ed. – Baltimore : Williams & Wilkins, 1944. – 258 p.

References

1. Aristotel. O dushe [On the Soul]. *Sochineniya: v chetyrekh tomakh* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow: Mysl; 1976, vol. 1, pp. 369–448.
2. Akvinskiy, F. *Summa teologii* [Summa Theologica]. Kiev: Nika-Centr; 2005, vol. 3, part 1, 432 p.
3. Veber, M. Smysl «svobody ot otsenki» v sotsiologicheskoy i ekonomicheskoy nauke [The Meaning of «Freedom from Evaluation» in Sociological and Economic Science]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress; 1990, pp. 547–602.
4. Galilej, G. *Dialog o dvukh glavneyshikh sistemakh mira – ptolemeevoy i kopernikovoy* [Dialogue Concerning the Two Chief World Systems – Ptolemaic and Copernican]. Moscow, Leningrad: Gostehizdat; 1948, 648 p.
5. Intellect [Intellect]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH523b26975f21f2447bc452> (accessed: 15.10.2025).
6. Zaytsev, D. V. Pochemu bolshie yazykovye modeli ne (vsegda) rassuzhdayut kak lyudi? [Why Large Language Models Do Not (Always) Reason Like Humans?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7 «Filosofiya»* [Moscow University Bulletin. Series 7 «Philosophy»]. 2024, no. 1, pp. 77–93.
7. Kant, I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. *Sochineniya: v shesti tomakh* [Collected works: in 6 vols.]. Moscow: Mysl; 1964, vol. 3, 799 p.
8. Lakatos, I. *Falsifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm* [Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes]. Moscow: Medium; 1995, 236 p.
9. Martyusheva, A. A. Ekzistentsiya – «Tochka opory» v situatsii neopredelennosti [Existence as a «Point of Support» in a Situation of Uncertainty]. *Smysloobrazovanie i ego konteksty: zhizn, struktura, kultura, opyt* [Meaning-making and its contexts: life, structure, culture, experience]. Moscow: Psychological Institute of the RAE; 2022, pp. 71–75.
10. Momdzhyan, K. Kh. O probleme obshchchelovecheskikh tsennostey [On the Problem of Universal Human Values]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2020, no. 3, pp. 25–41, doi: 10.21146/0042–8744–2020–3–25–41.
11. Momdzhyan, K. Kh. *Sotsialnaya filosofiya. Deyatel'nostnyy podkhod k analizu cheloveka, obshchestva, istorii* [Social Philosophy. Activity Approach to the Analysis of Human, Society, History]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2013, part 1, 400 p.
12. Piaget, J. *Psikhologiya intellekta* [The Psychology of Intelligence]. Saint Petersburg: Piter; 2004, 192 p.
13. Platon. Teetet [Theaetetus]. *Sobranie sochineniy: v chetyrekh tomakh* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow: Mysl; 1993, vol. 2, pp. 189–258.

14. Frankl, V. *Chelovek v poiskah smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress; 1990, 368 p.
15. Khaydegger, M. *Vremya i bytie: stati i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika; 1993, 447 p.
16. Eysenck, H. J. The Concept of «Intelligence»: Useful or Useless? *Intelligence*. 1988, vol. 12, no. 1, pp. 1–16.
17. Eysenck, H. J. *The Structure and Measurement of Intelligence*. Berlin, New York: Springer-Verlag; 1979, 253 p.
18. Tu, T., Schaekermann, M., Palepu, A., Saab, K., Freyberg, J., et al. Towards conversational diagnostic artificial intelligence. *Nature*. 2025, no. 642, pp. 442–450, doi: 10.1038/s41586-025-08866-7.
19. Wechsler, D. *The Measurement of Adult Intelligence*. 3rd ed. Baltimore: Williams & Wilkins; 1944, 258 p.

Информация об авторе

Гайнутдинова Е.В. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the author

Gainutdinova E. V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 30.06.2026.